

Доктор, мои глаза
Не могут видеть неба.
Или это и есть награда
Для тех, кто научился не плакать?

Джексон Браун

Пролог

Полицейского Фрэнки Беттс был способен учуять за милю.

От них разило пивом и пахло лавровишневой водой. Двигались они так, словно им жали ботинки. В бедных кварталах, где многие недоедали, а то и голодали, эти служители закона напоминали откормленных, лоснящихся молочных телят. В каком пабе откажут полицейскому в бесплатной кормежке? Вот они и жирели.

Фрэнки от них просто дичал. Так и хотелось крушить все, что под руку попадется, и бить морду каждому, кого увидит. И на тебе! Один сидит прямо перед тобой. И не где-нибудь, а в «Баркентине», считающейся оплотом Фирмы. Корчит из себя обычного посетителя. Попивает пиво, болтает, жратву заказывает.

Каков наглец!

Фрэнки вдавил окурок сигареты в пепельницу, засучил рукава и встал, готовый избить полицейского до бесчувствия. Но еще раньше перед ним на барной стойке возникла новая кружка с пинтой пива. Дези, владелец заведения, постарался.

— Дружище, ты же не торопишься уходить? Едва прийти успел. — Голос Дези звучал бодро и весело, но глаза предостерегающе блеснули.

— Спасибо, — буркнул он, садясь обратно.

Дези вовремя его остановил. И правильно сделал. Сид разозлится. Скажет, что недоволен. Фрэнки не дурак и не станет вызывать недовольство Сиды. Они все старались не злить хозяина.

Глотнув портера, Фрэнки закурил новую сигарету, списывая ошибку, которую едва не совершил, на нервы. Для Фирмы настали тяжелые времена. Опасные. Полицейские обложили их со всех сторон. На прошлой неделе они ограбили фургон, перевозивший деньги для выплаты жалованья, и скрылись, прихватив более тысячи фунтов.

Это стало последней каплей для Фредди Литтона, местного члена парламента, и он объявил им войну. Сиды арестовали. Дези и Ронни — тоже. Но мировой судья их выпустил. Оказалось, что свидетелей ограбления нет. Точнее, были, пока не узнали, кто причастен. А как узнали, что Сид Мэлоун, оба мужчины и женщина тут же отказались от первоначальных показаний. Забыли вдруг, как выглядели грабители.

— Произошла ошибка. Полиция арестовала не причастного, — сразу после освобождения заявил газетчикам Сид на ступенях Олд-Бейли, здания центрального уголовного суда. — Я же не злодей и не преступник. Обычный деловой человек, старающийся честно зарабатывать себе на жизнь.

Эту фразу Сид повторял всякий раз, когда полиция совершала налет на его лодочную мастерскую или на один из пабов. Фраза настолько прилипла к нему, что Элвин Дональдсон, инспектор уголовной полиции, окрестил его Председателем, а его шайку — Фирмой.

Литтон был вне себя от ярости и поклялся: он получит голову Сиды на блюде. Он найдет честного человека, не боящегося говорить правду, не боящегося Мэлоуна и остальных головорезов, и, когда это случится, упечет их на пожизненное.

— Хвастаться он горазд, — сказал Сид. — Хочет, чтобы его снимки красовались в газетах. Выборы на носу.

Тогда Фрэнки поверил хозяину. Однако сейчас, когда рядом с ним сидел полицейский, Фрэнки одолели сомнения насчет правоты слов Сиды. Фрэнки посмотрел на незваного гостя в висевшее за стойкой зеркало. Кто он? Человек Литтона или еще кого-то? Зачем его послали?

Фрэнки по собственному опыту знал: куда один полицейский затесался, поищи и найдешь еще дюжину. Он оглядел зал. Уж если какой паб и заслуживает называться воровским притоном, так это наша «Баркентина», подумал он. Заведение находилось на северном берегу Темзы, зажатое между двумя складами Лаймхауса. Темное, с низким потолком. Фасад выходил на Нэрроу-стрит, а задворки сползали прямо в реку. В часы прилива Темза стучалась в заднюю стену. Фрэнки знал почти всех присутствующих. Трое местных парней стояли возле очага, передавая друг другу какие-то побрякушки. Четверка в углу резалась в карты. Пятый кидал акульки зубы в мисень для дартса. Остальные сидели вокруг шатких столов или за

стойкой. Курили. Пили. Говорили и смеялись во всю глотку. Бахвалились. Все — мелкая шушера.

Человек, к которому был послан этот тип... он не драл глотку и не бахвалился. Уж мелким его никак не назовешь. Он был одним из самых могущественных и устрашающих главарей лондонского преступного мира. По мнению Фрэнки, если этому вонючему полицейскому дорога своя шкура, то ему следует сейчас встать и дать деру отсюда, пока ноги еще носят.

Фрэнки продолжал его разглядывать. Официантка Лили принесла полицейскому миску дымящегося варева, пролив на газету, которую он читал.

— Рагу, какое подают в Лаймхаусе, — сказала она.

Человек с нескрываемым ужасом посмотрел на содержимое миски.

— Там рыба, — сухо заметил он.

— Ну прям Шерлок Холмс! А чего вы ожидали? Каре ягненка?

— Хотя бы свинину.

— Мы где? В Лаймхаусе, а не в ближних графствах. С вас два пенса.

Человек выложил монету, затем грязной ложкой помешал серое варево, и в нем показались кусочки костей и кожи. Мелькнул ломтик картошки, веточка сельдерея. Следом к поверхности поднялся белый осклизлый кусок.

Карп... Фрэнки часто видел их во время отлива. Больших, черных, белоглазых, беспомощно трепыхающихся в вонючем речном иле. Проглоти кусок, приятель, — и понос на неделю обеспечен, мысленно добавил он.

— Что, не нравится наше угощение? — спросил подошедший Де-зи. — Ты даже не притронулся.

Незнакомец положил ложку. Вопрос застал его врасплох.

Поди сообразил, куда попал, подумал Фрэнки.

— Что бы в глотку ни пихал, ничего не лезет, — наконец сказал незнакомец. — На одном портере живу. А съем хоть кусок — сразу выворачивает.

— Совсем никак?

— Бывает, ложка каши пройдет. Молоко. Иногда яйцо. Надзиратели постарались. Отбили кишки. С тех пор и маюсь.

Фрэнки едва не расхохотался. А у Де-зи ни один мускул на лице не дрогнул.

— Сидел, стало быть? — спросил владелец паба.

— Угу. Налет на витрину. Ювелирный магазинчик в Камдене. В кармане складной нож лежал. Полиция сразу: вооруженное ограбление. Судья пятерик впаял.

— Только что вышел?

Незнакомец кивнул и снял кепку, показывая голову, остриженную на тюремный манер.

— Бедняга, — улыбнулся Дези. — По-моему, голову тебе отделили почище кишок. В какой тюрьме срок мотал? В Рединге?

— В Пентонвиле.

— Гостил я у них. Надзиратель там — врагу не пожелаешь. Уиллокс его фамилия. Он по-прежнему расшибает яйца кулаком?

— У него не заржавеет.

Врун поганый, подумал Фрэнки. Нужно было хоть узнать, кто там в надзирателях.

Нет никакого Уиллокса в Пентонвиле. И никогда не было.

Шоу налил полицейскому еще пинту:

— Держи, парень. Заведение угощает.

Дези понес пиво к столу, и вновь его глаза предупредили Фрэнки: «Смотри в оба».

Потягивая пиво и пыхтя сигаретой, Фрэнки посидел еще пару минут, затем как бы ненароком задел руку соседа, расплескав пиво на газету.

— Извини, приятель, — сказал Фрэнки, разыгрывая случайность. — Мы с официанткой тебе всю газету намочили.

— Ничего страшного, — улыбнулся тип. — На что еще эти газетенки годятся? Только разлитое пиво подтирать.

Фрэнки засмеялся. Полицейский снова прокололся: принял его смех за дружелюбие. Фрэнки знал, что так оно и будет.

— Рад знакомству. Майкл Беннет.

— Взаимно, — ответил Фрэнки. — Роджер Эванс.

— Слышал об этом? — спросил Беннет, указывая на первую страницу с крупным заголовком. — Пишут про ограбление фургона, перевозившего жалованье. Утверждают, опять Сид Мэлоун. Ускользнул с десятью тысячами фунтов.

Я бы не отказался, подумал Фрэнки. Проклятые газетенки всегда преувеличивали.

Беннет доверительно коснулся руки Фрэнки:

— Я слышал, Мэлоун прячет свои денежки в разных местах: одну часть на речной барже, а вторую — на сахарном складе.

— Что, в самом деле? — разыграл удивление Фрэнки.

Беннет кивнул.

— А еще я слышал, что третью часть он держит прямо здесь, в «Баркентине». Может, мы сидим на деньгах, — сказал он, постучав ногой по половице. — У тебя, случайно, ломик в кармане не завалялся? — (Фрэнки снова выдал из себя смех.) — Где бы он свои денежки ни прятал, место должно быть солидным, — продолжал разглагольствовать Беннет. — Жалкая развалюха старика Фейджина¹ ему не подойдет. Мне один парень рассказывал, только на кражах слитков они загребли тысячи. Тысячи! Дружище, представляешь, если бы на тебя свалились такие деньги?

Фрэнки снова начинал душить гнев. У него дернулись пальцы. Сломать бы нос этому трепачу. Научился бы тогда не совать его в чужие дела.

«Головой работай, Фрэнки, а не кулаками. Головой», — постоянно говорил ему Сид.

Беннет опять потянулся к руке Бетса.

— Я не только об этом слышал. Говорят, Мэлоун частенько бывает в этом пабе. У него тут что-то вроде штаб-квартиры.

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил Фрэнки.

Беннет наклонился ближе:

— Мне нужно перекинуться с ним словечком. Только короткий разговор. Не подскажешь, где его найти?

— Извини, приятель, — покачал головой Фрэнки.

Беннет выложил на стойку десятифунтовую банкноту. Для большинства жителей Лаймхауса десять фунтов были целым состоянием. Фрэнки повел себя схожим образом, быстро убрав деньги себе в карман.

— Жди меня за пабом. Минут через пятнадцать появлюсь.

Он вышел через главный вход «Баркентины», а затем вернулся в паб через подвал, поднялся по узкой лестнице в кухню, а оттуда на второй этаж. Пройдя по тускло освещенному коридору, Фрэнки дважды постучался в запертую дверь.

Дверь открылась. На пороге стоял поджарый человек в рубашке и жилете. В руках он держал дубинку, утяжеленную свинцом, которую даже не пытался спрятать. В центре комнаты за столом сидел другой человек, неторопливо пересчитывающий двадцатифун-

¹ Персонаж романа Диккенса «Оливер Твист». — *Здесь и далее примеч. перев.*

товые купюры. Он поднял голову. Изумрудные глаза уперлись во Фрэнки.

— Беда, хозяин, — сказал Фрэнки. — Внизу чужой. Должно быть, от Литтона. Представился Беннетом. Через пятнадцать минут выберется наружу.

— Задержи его там, — произнес человек с изумрудными глазами и возобновил пересчет купюр.

Фрэнки спустился вниз, выйдя через подвальную дверь. Майкл Беннет, продолжавший сидеть за стойкой, посмотрел на часы возле кассы. Они показывали почти два часа ночи. Допив пиво, он выложил несколько монет на стойку и поднялся с табурета.

— Спокойной ночи, приятель, — кивнул Беннет владельцу паба, и Дези помахал ему рукой. — Где у вас тут сортир?

— Ты нас с Букингемским дворцом не перепутал? — усмехнулся Дези. — Нам реки хватает. Думаю, и тебе хватит.

Покинув паб, Беннет завернул за угол и спустился по каменной лестнице, ведущей с улицы к воде.

Фрэнки стоял в тени свай и видел его появление. Беннет расстегнул брюки и долго облегался. Было время отлива. Река едва различалась в темноте, но Фрэнки слышал ее звуки. На волнах покачивались баржи. Скрипели канаты, хлопали буйки, создавая вокруг себя маленькие водовороты. Когда Беннет наконец закончил, Фрэнки вышел из-под свай.

— Черт! — крикнул Беннет. — Ну ты меня и напугал. Под сваями вообще тьма кромешная. Где Мэлоун?

— Идет сюда.

— Ты уверен?

— Тебе мало моих слов?

— Если ты меня обманул, я заберу деньги, — пригрозил Беннет.

Фрэнки покачал головой, мысленно похвалив себя. Роль честного малого он играл безупречно.

Они ждали еще минут десять. Беннет забеспокоился. Когда его беспокойство начало сменяться раздраженной нервозностью, у них за спиной вспыхнула спичка. Беннет резко обернулся.

Фрэнки тоже обернулся и увидел Сида и Дези, стоявших на нижней ступеньке лестницы. Дези зажигал фонарь.

— Ты Майкл Беннет? — спросил Сид.

Беннет молча смотрел.

— Мой хозяин задал тебе вопрос, — напомнил Фрэнки.

Беннет повернулся к нему:

— Твой хозяин? Но я думал... Ты говорил... — Он запутался и замолчал.

— Чего тебе нужно? — прорычал Фрэнки, прекратив разыгрывать компанейского парня. — Кто тебя послал?

Беннет попятился назад, подальше от Сида.

— Мне не нужны неприятности, — сказал он. — Я всего лишь хотел передать послание. Одна женщина желает видеть Сида Мэлоуна. Она готова встретиться с ним в любое время и в любом месте, но ей непременно надо его увидеть.

— Ты полицейский? — недоверчиво спросил Фрэнки. — Тебя Литтон подослал?

— Я тебе правду сказал, — покачал головой Беннет. — Я частный детектив.

Мэлоун запрокинул голову, оценивающе глядя на Беннета.

— Вам придется дать ей ответ, — сказал ему Беннет. — Вы не знаете эту женщину. Она не успокоится и придет сама.

Мэлоун по-прежнему молчал, но хотя бы слушал. Ободренный его вниманием, Беннет осмелел:

— Эта женщина не признает ответов «нет». Имени ее назвать не могу. Она велела его не разглашать. От себя добавлю: весьма настырная сука.

Свою фразу он закончил смешком.

Позже Фрэнки вспоминал, как при слове «сука» у Сида дрогнули губы. Он подумал, что хозяин сейчас улыбнется. Сид непринужденно двинулся к Беннету, словно собирался поблагодарить за сведения, но вместо этого схватил его руку и одним быстрым легким движением сломал ее. От боли Беннет рухнул на колени, а при виде костей, торчащих из сломанной руки, закричал.

Сид вцепился ему в волосы, запрокинул голову и сдавил нос.

— Вот тебе мой ответ. Ясный и внятный. Передай Фионе Финнеган: человек, которого она разыскивает, мертв. Та же участь ждет и тебя, если посмеешь еще раз сунуться в эти места.

Он отпустил Беннета. Тот рухнул в прибрежную грязь. Сид повернулся и зашагал назад. Фрэнки последовал за ним. Дези задул фонарь.

— Хозяин, что это за девчонка? — спросил Фрэнки, озадаченный просьбой Беннета и реакцией Сида. — Брюхатая? — (Сид не ответил.) — Родственница?

В темноте Фрэнки слышал только голос. Лица Сиды он не видел, а если бы увидел, то удивился — столько давней душевной муки отражалось на лице его хозяина.

— Она мне никто, Фрэнки. Никакая не родственница. Никто и ничто.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Май 1900 года

Глава 1

— Джонс!

Услышав свою фамилию, Индия Селвин Джонс обернулась. Мод забрала у нее очки, и ей, чтобы увидеть позвавшего, пришлось прищуриться.

— Профессор Фенвик! — воскликнула она, просяив при виде лысого, бородатого мужчины, проталкивающегося к ней через море колышущихся голов в академических шапочках.

— Джонс, а вы умный котенок! Стипендии от Уолкера и Листера. Премия от Денниса! Есть хоть какие-то награды, которых вас не удостоили?

— Премию Битона получила Хэтчер.

— Премия Битона — сплошное надувательство. Любой дурак способен вызубрить анатомию. Врачу требуются не только знания, но и нечто большее — умение их применить. Хэтчер едва ли сумеет шину наложить.

— Тсс, профессор! Она стоит у вас за спиной! — прошептала Индия, опасаясь, что подобные слова могут вызвать скандал.

Выпускная церемония закончилась. Под звуки бодрого марша студентки покинули маленькую сцену аудитории и теперь позировали для фотографий или болтали с родными и друзьями, пришедшими на торжество.

Фенвик отмахнулся от слов Индии. Скандалов он не боялся. Этот человек высказывался свободно, резко и, как правило, во весь голос. Индия частенько становилась мишенью его язвительных словесных стрел. Она хорошо помнила первые дни ее появления в аудитории Фенвика. Ей поручили собрать анамнез у больного плевритом. Затем Фенвик велел ей открыть диагностический журнал и на основе записей дать общую картину состояния пациента. Индия едва успела произнести «Я чувствую...», как профессор накинулся на нее:

— Вы... что? Вы... чувствуете? — загремел он. — Джонс, вы записались на мой курс не для того, чтобы чувствовать. Мы здесь говорим

не о поэтах эпохи раннего романтизма. Мы ставим диагнозы, ведем истории болезни. Вы здесь находитесь только для наблюдений, поскольку еще слишком невежественны для чего-то другого. Чувства затуманивают ясность суждений. Джонс, вы поняли мои слова? Что делают чувства?

— Затуманивают ясность суждений, сэр, — ответила Индия, щеки которой пылали.

— Прекрасно. Начните чувствовать вашего пациента, и вы повредите ему дурацкими предубеждениями. Запомните, Джонс: пациента надо наблюдать... замечать отечность сердца и знать, что она вызвана почечной недостаточностью... наблюдать печеночную колику и знать ее причину — отравление свинцом... Да, Джонс, наблюдать пациента, с ясностью и бесстрастием, и тогда вы его вылечите.

Кажется, это было вчера. А теперь...

— Так-так, дайте-ка взглянуть, — сказал Фенвик, горя нетерпением увидеть содержимое кожаной папки, зажатой у Индии под мышкой.

Индия раскрыла папку. Ей самой хотелось еще раз увидеть свои имя и фамилию, выведенные каллиграфическим почерком, дату — 26 мая 1900 года, печать Лондонской медицинской школы для женщин, а также заявление всему миру, что она прошла необходимое обучение и отныне имеет право называться доктором.

— Доктор Индия Селвин Джонс. Не правда ли, звучит красиво? — спросил Фенвик.

— Согласна. Звучит красиво. Но мне надо услышать эти слова еще несколько раз, прежде чем я в них поверю.

— Чепуха! Кому-то и нужна бумажка, подтверждающая, что они врачи. Однако вы к таким не относитесь.

— Профессор Фенвик! Профессор, идите сюда... — раздался пронзительный женский голос.

— О боги, — вздохнул профессор. — Декан. Похоже, эта дьяволица притащила с собой главного врача Бродмурской больницы. Хочет, чтобы я убедил его взять кое-кого из вас на работу в эту больницу. Вам чертовски повезло, что Гиффорд уже взял вас к себе.

— Да, сэр. Мне просто не терпится поскорее начать.

— Неужели? — фыркнул Фенвик. — А вы хорошо знаете Уайт-чепел?

— Я немного работала в Королевской бесплатной больнице.

— А по вызовам на дом ходили?

— Нет, сэр.

— Беру свои слова назад. Насчет Гиффорда и везения.

Индия улыбнулась:

— Неужели это так скверно? Я ходила по вызовам в других бедных районах. В Камдене, Паддингтоне, Саутуарке.

— Запомните, Джонс, Уайтчепел — уникальное место. Другого такого не сыщете во всем Лондоне. Вы там многое узнаете и многому научитесь. Можете не сомневаться. Но с вашим умом и знаниями вам бы стоило поработать в клинике при каком-нибудь университете, обучаясь у прекрасных врачей. Потом открыть свой кабинет, как Хэтчер. Частная практика. Ваше место там.

— Сэр, открытие своего кабинета мне не по карману.

Фенвик выразительно посмотрел на нее:

— Даже если бы и было по карману, сомневаюсь, что вы на это согласились бы. Дай вам ключи от прекрасно оборудованного кабинета где-нибудь на Харли-стрит, вы их тут же вернете и помчитесь в трущобы.

— Мне, сэр, предпочтительнее туда просто пойти, — засмеялась Индия.

— По-прежнему бродите по воздушным замкам?

— Сэр, мне больше нравится называть это целями.

— Значит, больница?

— Да.

— Для женщин и детей.

— Совершенно верно.

Фенвик вздохнул:

— Помню, как вы с Хэтчер говорили об этом, но я тогда не поверил, что ваша затея пойдет дальше разговоров.

— У Харриет не пошло. У меня... пошло.

— Джонс, вы хоть представляете, с чем столкнетесь в первые же дни работы?

— Кое-что представляю.

— Сбор денег... охота за подходящим местом... Вы свихнетесь от одной только административной стороны вашей затеи. Вам понадобится время, чтобы сдвинуть больницу с мертвой точки. Уйма времени, когда у вас не будет ни минуты, чтобы просто передохнуть. Работая у Гиффорда, вы собьетесь с ног. Как вы все это выдержите?

— Я найду способ, сэр. Чтобы почувствовать разницу, надо попробовать, — решительно произнесла Индия.

Фенвик покачал головой:

— Помните, как шесть лет назад вы говорили мне те же слова? Только-только появившись здесь. Я до сих пор не могу понять зачем.

— Зачем... что?

— Зачем у молодой аристократки, принадлежащей к одной из богатейших семей Англии, такая тяга почувствовать разницу?

— Сэр, я не... я не... — вспыхнула Индия.

— Профессор! Профессор Фенвик!

Опять декан.

— Мне надо идти, — сказал Фенвик, но не тронулся с места; несколько секунд он сосредоточенно разглядывал свои ботинки, затем добавил: — Не стану скрывать, мне будет недоставать вас, Джонс. Вы были лучшей студенткой из всех, кто у меня учился. Рациональной, логичной, без эмоций, не в пример моему нынешнему стаду дурочек. Рад был бы сказать, что самое тяжелое уже позади, но это лишь начало. Вы хотите почувствовать разницу, изменить мир, однако у мира могут быть свои мысли на сей счет. Надеюсь, это вам известно?

— Конечно, сэр.

— Хорошо. Тогда зарубите себе на носу: что бы в вашей тамошней жизни ни случилось, вы врач. И очень хороший. Этого отнять у вас никто не сможет. И не потому, что так написано здесь. — Он постучал по кожаному переплету ее диплома. — А по причине... — Он коснулся лба Индии. — Никогда об этом не забывайте.

Теперь настал черед Индии разглядывать свои туфли.

— Не забуду, сэр, — прошептала она.

Ей хотелось поблагодарить профессора за все, что он сделал; за превращение восемнадцатилетней невежды во врача. Но она не знала, как это сделать. Обучение заняло шесть лет. Шесть долгих лет трудностей, борьбы и сомнений. Если бы не Фенвик, Индия не дошла бы до финиша. Но как выразить ему свою благодарность? С чего вообще начать?

— Профессор Фенвик... — произнесла она, подняв голову, но его рядом уже не было.

Индию захлестнуло чувство одиночества и потери. Вокруг смеялись и весело болтали недавние однокурсницы. Их окружали родные и друзья. Только она была одна, если не считать Мод. Фредди отсутствовал по причине государственных дел. Уиш в Америке. Ее родители жили в Блэквуде, за сотни миль от Лондона. Но даже если бы они жили рядом со школой, то все равно не пришли бы. Индия это знала.

На мгновение она подумала о том, кто обязательно пришел бы, если бы смог; о парне, который пешком прошагал бы из Уэльса до Лондона, чтобы в этот день оказаться рядом с ней. Хью. Мысленным

взором Индия увидела его взбегающим по Оуэнс-Хилл, услышала его смех. Мозг подкинул другую картину: Хью стоит на скале Диффидс-Рок, голова запрокинута, руки распростерты и обращены к хмурым и ненастным валлийским небесам. Индия попыталась прогнать эти картины, но не смогла. Глаза защипало от слез. Она торопливо смахнула слезы, зная, что Мод где-то неподалеку — сестра обещала ей праздничное чаепитие. Знала Индия и о нетерпимости сестры к растрепанным чувствам.

— Прекрати, Джонс! Немедленно! — прошипела себе Индия. — Чувства затуманивают ясность суждений.

— И шампанское тоже, старуха, но потому-то мы и любим его! — вдруг послышался рядом громкий мужской голос.

Индия стремительно обернулась и застыла в изумлении.

— Уиш! — воскликнула она; двоюродный брат наклонился и чмокнул ее в щеку. — Что ты здесь делаешь? Я думала, ты в Штатах!

— Только что вернулся. Корабль пришвартовался вчера. Едва дождался, пока из трюма выкатят мой автомобиль, и гнал сюда, не щадя мотора. Такое событие, Инди, я не пропустил бы даже ради всех сокровищ мира. Разве ты не видела меня в задних рядах? Я аплодировал как сумасшедший. Бингэм тоже.

— Бинг, это и в самом деле ты? — спросила Индия, глядя за спину брата.

Там стоял Джордж Литтон, двенадцатый герцог Бингэм.

— Привет, Инди, — сказал он, робко протягивая руку. — Поздравляю.

— Какой замечательный сюрприз! Я вас попросту не увидела. Мод стянула мои очки. Уиш, глянь-ка на себя! Такой загорелый и обаятельный. Поездка была успешной? Ты теперь миллиардер?

— Пока еще нет, старая землеройка, но скоро стану, — засмеялся Уиш.

— Дорогая, только не подзадоривай его. Он и так уже лоснится от самодовольства. — В голосе сестры звучала ужасающая скука.

— Мод, верни мне очки! — потребовала Индия.

— Ни в коем случае. Это не очки, а сущая жуть. Они испортят фотографии.

— Но без них я ничего не вижу.

— Если уж ты так настаиваешь, — вздохнула Мод. — Знаешь, Индия, если стекла твоих очков станут еще толще, ты будешь таскать на носу настоящий бинокль. — Мод поморщила нос. — Не уйти ли нам отсюда? Здесь просто воняет больницей.

— Слушайся свою слишком старшую сестру и собирай вещички, Болтушка Инди, — сказал Уиш.

— Очень смешно, Уиш, — буркнула Мод.

— Уиш, не называй меня этим отвратительным прозвищем! — потребовала Индия.

— Что, и в самом деле отвратительное? — улыбнулся Уиш. — А помнишь, почему я наградил тебя им? Тебе тогда было лет десять, и ты взахлеб трещала об особенностях гнездования крапивников. В тебе уже тогда проявлялась исследовательская жилка. И неукротимое многословие.

— У неукротимого многословия есть более точное определение: словесный понос, — произнес Бинг, моргая, как сова.

Уиш и Мод покатались со смеху. Бинг слегка улыбнулся. Индия постаралась сохранить серьезное выражение. Все они росли вместе и, когда встречались, сразу вспоминали про старые привычки. Индия смотрела на них — все трое почти задыхались от смеха. Так и казалось, что Уиш сейчас шлепнет Бингэма поварешкой, а Мод добавит в заварочный чайник чернил. Потом, не в силах удержаться, Индия тоже захихикала. Внезапное появление Уиша и Бинга заставило ее забыть про недавнюю грусть. Теперь она сияла от счастья. Детьми они были не разлей вода, но сейчас редко собирались в одном месте и в одно время. Мод, повинаясь капризам, путешествовала по экзотическим местам. Уиш постоянно ставил финансовые эксперименты. Из банкира он превратился в игрока на бирже. Он умел за считанные дни сколотить целое состояние и столь же быстро потерять все деньги. Бингэм редко покидал Лонгмарш, предпочитая шумным лондонским улицам тишину лесов и лугов. А Фредди, жених Индии и брат Бингэма, практически жил в палате общин.

— Ребята, нам надо торопиться. — В голосе Уиша ощущалось нетерпение. — Так что собирай вещички, леди Инди.

— И таким прозвищем прошу меня тоже не называть, — предупредила Индия.

— А как тебя назвать, если мы опоздаем к ланчу? Мы заказали столик в «Коннахте» на половину первого. Решили устроить тебе маленький праздник. Но если не поторопишься, мы туда не доберемся.

— Уиш, незачем было... — начала Индия.

— Не волнуйся. Это не я. Затея Литтона.

— Бинг, незачем было...

— И не я, Инди. Мой братец.

— Что, Фредди тоже здесь? — изумилась Индия. — Как? Когда? Он говорил, что получил приглашение к К.-Б. на все выходные.

— Ничего не знаю, — пожал плечами Уиш. — Видно, сумел отвертеться. Фредди я застал уже на лестнице. Он спускался вниз. Я подбросил его сюда.

— А где он сейчас?

— На улице. Разворачивает машину.

— Уже нет. Я здесь, — сказал молодой блондин.

Он был высоким и худощавым, одетым в элегантный короткий сюртук и шевииотовые брюки. В его сторону тут же повернулась дюжина восхищенных женских голов. Возможно, какая-нибудь престарелая дряхлая тетушка или совсем юная девица и спросили бы, кто он такой, но большинство собравшихся сразу его узнали. Он был членом парламента, восходящей звездой, чей дерзкий переход из стана консерваторов к либералам приковал к себе внимание газет. Он был младшим братом Бингэма, всего лишь вторым сыном в семье, но застенчивый, тушующийся Бинг всегда мерк на его фоне.

— Фредди, что тебя сюда принесло? — спросил Уиш. — Я даже заволновался.

— Я тронут, старик. Искренне тронут.

— Речь не о тебе. Об авто.

Уиш дрожал над своим новеньким «даймлером».

— Хм... Да. С машиной что-то не совсем так, — признался Фредди. — Я никак не мог включить на этой чертовой жестянке обратную передачу. В нейтральное положение рычаг тоже не переводился. Мне и мотор заглушить не удалось.

— Фредди... — начал Уиш, но Фредди его не слушал; он целовал Индию в щеку. — Отлично, дорогая! Мои поздравления.

— Фредди, ты болван! — заорал Уиш. — Как понимать, что тебе не удалось заглушить мотор? В каком состоянии машина? Едет сама?

— Разумеется, нет. Я усадил туда швейцара. Когда я видел его в последний раз, он двигался в сторону Кингс-Кросса.

Уиш с руганью выскочил из аудитории. Бинг последовал за ним.

— Его драгоценное авто в полном порядке, — улыбаясь во весь рот, признался Фредди. — Стоит перед входом. Но ты видела физиономию Уиша?

— Фредди, это уже злая шутка! Бедняга Уиш! — воскликнула Индия.

— Бедняга Уиш. Скажешь тоже! — фыркнула Мод. — Для него это хороший урок. А то помешался на автомобилях. Может, мы все-

таки уйдем отсюда? Меня уже тошнит от здешних запахов. Инди, я не преувеличиваю. Жуть полнейшая. Чем это воняет?

Индия принюхалась:

— Я ничего не ощущаю.

— У тебя нос заложен, что ли? Как ты можешь ничего не чувствовать?

Индия принюхалась еще раз:

— А-а, так это ка...

Она хотела сказать «капуста». У соседней церкви была благотворительная кухня для бедняков, и запахи оттуда всегда проникали в аудиторию. Но Фредди не дал ей договорить.

— Это трупы, — заявил он. — В просторечии, трупы. Инди мне о них рассказывала. Лучшие отправляют в колледжи при больницах Гая и Барта, а женской школе достаются уже с тухлятинкой.

Мод побледнела, прижав к груди унизанную кольцами руку.

— Мертвецы? — шепотом переспросила она. — Фредди, ты явно шутишь. Скажи, что шутишь.

— На этот раз нет. Я предельно серьезен. Даже поклясться могу.

— Боже милостивый, меня сейчас вытошнит! Я немедленно ухожу.

Мод ушла, зажимая рот рукой.

— Предельно серьезен? — накинулась на жениха Индия. — Неужели, когда мы собираемся вместе, обязательно нужно превращаться в двенадцатилетних оболтусов?

— Обязательно, — ответил Фредди.

Он наградил ее ослепительной улыбкой, и Индия, наверное, в миллионный раз подумала, что Фредди — самый обаятельный мужчина из всех, кого она видела.

— Ты несносен, Фредди. Честное слово.

— Да. И я это признаю. Но только таким способом я смог хотя бы пять минут побыть наедине с тобой, — сказал Фредди, сжимая руку Индии. — А теперь собирай вещи, старая жердь. Мы отправляемся в «Коннахт».

— Уиш сказал, чья это затея. Фредди, можно было обойтись и без торжеств.

— Я так хотел. Насколько тебе известно, люди не каждый день становятся докторами.

— Это так здорово! Так неожиданно! Я думала, ты все выходные проведешь у К.-Б.

К.-Б. сокращенно именовали Генри Кэмпбелла-Баннермана, лидера оппозиции. Ходили слухи, что лорд Солсбери, британский премь-

ер-министр и нынешний глава консервативной партии, намерен осенью провести всеобщие выборы. Кэмпбелл-Баннерман созвал свой теневой кабинет для выработки платформы либеральной партии. Тогда же пригласили нескольких перспективных заднескамеечников, включая Фредди.

— Старый шалунишка все отменил, — сказал Фредди. — Подустал малость.

— И когда ты узнал?

— Пару дней назад.

— А почему мне не сказал? — спросила задетая Индия.

Она и так переживала, зная, что его не будет на церемонии.

— Дорогая, я собирался, — сокрушенно произнес Фредди. — Наверное, нужно было так и сделать. Но едва мне стало известно, что тягомотина на выходные отменяется, я решил сделать тебе маленький сюрприз и отпраздновать твой выпуск. А теперь хватит метать в меня молнии. Идем за твоими вещичками.

Индии стало стыдно. Как у нее язык повернулся отчитывать Фредди? Он всегда был таким предупредительным. Они вышли из аудитории и по узкому коридору направились в лекционный зал, где Индия и другие выпускницы оставили свои вещи. Зал поразил ее полной тишиной. Индия не помнила, чтобы здесь бывало так тихо. Фредди уселся на скамью и стал открывать бутылку шампанского, похищенную со стола с напитками. Индия огляделась по сторонам, но не в поисках своих вещей. Она обвела глазами помещение, глядя на ряды скамеек, поднимающихся амфитеатром, прозекторский стол, шкафы, плотно забитые толстыми медицинскими книгами и справочниками, скелет по прозвищу Понсонби, болтающийся на подставке... и поняла, что видит все это в последний раз. Грусть, заглушенная встречей с друзьями и женихом, нахлынула на нее снова.

— Поверить не могу, что все закончилось и мне уже больше не сидеть здесь, — сказала Индия.

Фредди что-то пробурчал, хмурясь на неподатливую пробку.

— Это место... эта школа... все годы, проведенные здесь... все позади... — Голос Индии дрогнул.

В мозг хлынули картины прошлого. Яркие фрагменты. Она увидела себя и Харриет Хэтчер в анатомическом театре, склонившимися над трупом. Они удаляли кожу, называя и зарисовывая мышцы и кости, стараясь делать это как можно быстрее, пока трупный запах не сделался невыносимым. А главное, стараясь, чтобы их не вывернуло. «Чиркануть и блевануть» — так это называлось на их жаргоне.

Профессор Фенвик то ругал их растяпами с кривыми руками, то приносил соду и подставлял ведро.

Однажды профессор оказался для них с Харриет настоящим ангелом-хранителем, появившись буквально из ниоткуда. Толпа пьяных первокурсников из колледжа при больнице Гая подкараулила их за воротами школы. Парни спустили брюки и потребовали, чтобы студентки осмотрели их члены.

— К сожалению, джентльмены, мои студентки не смогут выполнить вашу просьбу, — сказал профессор Фенвик. — Им запрещено выносить микроскопы за пределы здания школы.

Доктор Гаррет Андерсон, декан. Живая легенда. Первая англичанка, получившая медицинское образование, одна из основателей школы. Энергичная, остроумная, твердостью воли не уступавшая шеффилдской стали, она была для Индии источником постоянного вдохновения и наглядным упреком тем, кто считал женщин слишком слабыми и глупыми для профессии врача.

— Чертова фольга! Как они ее навертели? — пробормотал Фредди, выбивая Индию из раздумий. — Ага! Наконец-то.

Индия посмотрела на жениха. Ей очень хотелось рассказать ему об этом месте, хотелось, чтобы он понял.

— Фредди... — начала она. — Оставь ты эту бутылку...

Увы, было слишком поздно. Фредди направил бутылку на Понсонби и выгащил пробку. Струя залила скелету голову.

— Бедный Понсонби, — вздохнула Индия. — Ты оскорбил его чувства.

— Это муляж. Мертвая конструкция, у которой нет никаких чувств. Садись и давай выпьем. — Фредди постучал по скамейке рядом с собой; когда Индия села, он подал ей бокал. — За доктора Индию Селвин Джонс, — произнес он. — За самую умную в Лондоне девчонку. Дорогая, я так горжусь тобой!

Он чокнулся и залпом осушил бокал.

— Вот, — сказал Фредди, протягивая Индии кожаную коробочку.

— Что там?

— Открой и посмотри.

Индия подняла крышку и вскрикнула от изумления. Внутри лежали изумительно красивые золотые часы с бриллиантовыми цифрами. Фредди перевернул часы обратной стороной. Там было выгравировано: «Думай обо мне».

Индия покачала головой: